

Содержание

ПУШКИНСКАЯ, 17

Пушкинская, 17	17
Папа и музыка	18
Насчёт микидаци	25
Игрушки	29
Книжки	32
Важные вещи	35
Подружка	37
Четвёртое лето	40
Слова	44
Вместе спать	48
Эликсир жизни	51
Звуки	57
Буханка	58
Не будет войны!	60
Человек в космосе	65
Медовые пряники	67
Жи-ши пиши...	70
Кефирная история	73
Восьмое лето	76

Фамилия	80
Двор и прочая география	86
Не бросайте мелочь!	98
Соседи слева	103
Соседи справа	107
Хесины	113
Между дверьми	119
Диафильмы	123
Клянусь жизнью!	129
Самый лучший Новый год	133
<i>Как было весело, Господи! (Стихи)</i>	135

Я СЕГОДНЯ ИГРАЮ ВЛЮБЛЁННОГО ЛОРДА

“Ощущаешь себя кентавром...”	167
“Что, нечем заплатить? Заплати звуком!”	185
<i>Что-то влить и вдохнуть (Стихи)</i>	203

И ЗА УЧИТЕЛЕЙ СВОИХ...

Картинки из “Зелёной гостиной”	219
Юриосич	226
Дядя Валя	233
На смерть марсианина	240
Жил человек магический	249
Без начала и конца	255
Жёлтый фонарик	259
А теперь убираем лошадь	265

Радость жизни	269
Перед глазами	278
Наша классная	281
Детский литературно-художественный	285
Правдивая похвала поэту С.	292
Булатов и Васильев	296

ЗАПИСКИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Девяностые	303
Дубровка, 2002	326
Двухтысячные	331
<i>Мне Пушкин обещал (Стихи)</i>	355

*Посвящается моим сёстрам,
Тане и Наташе*

Пушкинская, 17

Чувство избранности знакомо мне с детства. С ноябрьских и майских праздников, когда на время демонстраций и парадов перекрывались милицией все проходные дворы и переулки между Пушкинской и улицей Горького. И только нас, обитателей Бахрушинки, всюду пускали беспрепятственно: по паспортам. Почтовый адрес наш был — Пушкинская, 17, а по прописке — Горького, 12. Это считалось одно и то же, я так и не разобралась почему. Теперь, во взрослой жизни, я в подобных случаях говорю: “Так исторически сложилось”, а тогда — принимала как аксиому. Хотя улица Горького и наша Пушкинская, они же Тверская и Большая Дмитровка, как раз и были теми параллельными прямыми, которые никогда... ну разве что в Москве.

— Будьте любезны, нам нужно пройти, мы здесь живём, — вежливо, но твёрдо говорит милиционеру папа и протягивает поверх голов свой паспорт — чёрную коленкоровую книжечку, раскрытую на нужной странице. Милиционер вглядывается в волшебный штамп прописки и белой перчаткой берёт под козырёк. Чувство избранности захлёстывает меня с го-

ловой. Под ногами, щекоча подошвы, мелко сотрясается от бронетехники мостовая.

Демонстранты размахивают всякой всячиной. Лучше всех видно — бронзовому Пушкину.

— Пушкин, Пушкин, возьми на ручки...

Папа и музыка

Про меня говорят: “Папина дочка, одно лицо!” И лет до шести мой главный человек — папа. Кто-то из гостей задаёт однажды идиотский вопрос: “А кого ты больше любишь, папу или маму?” Ответ сохранился в семейных анналах: “Я люблю маму, когда папы нет дома”. В тех же анналах осталась ещё одна моя знаменательная глупость: сводили в театр на “Сказку о царе Салтане”, спросили, понравилось ли, и я сказала: “Понравилось, но музыка слишком громкая, не даёт расслышать слова”.

Мама, кстати, не обижается, я же её тоже люблю очень сильно, а потом буду любить ещё сильнее, и она это, наверное, знает. Но пока что я папина дочка, и когда его нету дома, я тоскую.

Зато когда папа приходит с репетиции и до концерта ещё полно времени, он ложится на диван, а я усаживаюсь к нему на живот. Коленки он ставит торчком, и я опираюсь на них спиной, а папа таким нарочно-вкрадчивым голосом тянет: “Облока-а-чивайся, не бо-ойся...” — и вдруг коварно выпрямляет ноги, и я с визгом валюсь назад. Мы с папой обожаем эту глупую игру. Мы вообще любим дурачиться, например, мотать головами влево-вправо, задевая друг дружку носами, и кричать при этом “Бам-балебам!”.

А ещё папа знает песню про меня, и он мне её поёт:

Я встретил девушку —
Полумесяцем бровь,
На щёчке родинка,
А в глазах любовь...

Конечно, про меня: и брови, и родинка, все доказательства налицо!

А иногда он поёт коротенькую грустную песенку, в ней всего-то четыре строчки:

По солнышку, по солнышку
Дорожкой луговой
Я йду по мягкой травушке
Весеннею порой.

Фа-ми-до — нижнее ля... (ну да, в интернете ноты немножко другие, и есть ещё куплет, но я пишу, как запомнилось). Что в ней грустного? Наоборот, казалось бы, смешное словечко “йду”. Но песня как-то связана с папиной мамой, бабушкой Соней, которая умерла в войну — скорее всего, от диабета, — и я её никогда не видела, знаю от папы только одну её сказку: “Боже-боже, пошли мне сапо́жи на мои больные но́жи”.

И есть у нас ещё такой любимый фокус: песни на счёт. Раз — “Расцветали яблони и груши...”, два — “Два друга служили в нашем полку...”, три — “Три танкиста, три весёлых друга” и самая интересная, жаль, что папа знает только начало: “Четыре капуцина однажды вышли в сад, в саду растут маслины и зреет

виноград...” Всего четыре песенки, а “Пять ребят о любви поют” тогда ещё не написали.

Люблю, когда папа рассказывает анекдоты и взрослые хохочут. Я не очень понимаю, в чём там дело, но два анекдота он рассказывает специально для меня, и они мне никогда не надоедают.

— Больной, у вас хороший стул?

— Доктор, у нас вся мебель хорошая.

А второй — про вежливого милиционера, который грозно орёт в трамвае: “Кто чихнул? Кто чихнул, я вас спрашиваю?!” И даже пистолет вытаскивает — и всё это для того, чтоб сказать перепуганной старушке: “Будь здорова, старая карга! И в следующий раз признавайся сразу!” Эту сценку папа изображает в лицах.

Ещё он смешно рассказывает историю с нотами:

— Некто До-ре-ми-донтов воспыал любовью к До-ре. Но До-ре больше нравился Ми-ля. Их любовь была вроде ми-фа. Но её не устраивала его фа-ми-ля. Вот в чём соль!

Из папиных “настоящих” историй мне крепче всего запомнились три. Как папа научился плавать: его трёхлетнего молодые озорники-дядья выбросили из лодки на середине Днепра. Кто-то из них, правда, прыгнул следом и поплыл с ним рядом... Как папу на войне (он пошёл добровольцем в семнадцать лет, в сорок третьем, из выпускного класса ЦМШ) послали на смотр художественной самодеятельности. Он там сыграл на скрипке, а вернулся — роты нет, почти всех убили... И как освобождали Бухарест, и там на развалинах после бомбёжки уцелело пианино (или даже рояль?), и кто-то сел и заиграл, прямо на улице, а папа схватил скрипку и стал

подыгрывать, и ещё прибежал кто-то с губной гармошкой, а кто-то бил в котелок, и так они “лабали” джаз, и люди танцевали... Папа, кстати, после войны тоже в джазе играл, у самого Утёсова, но я об этом пока не знаю.

Пару раз он берёт меня с собой на репетиции оркестра, и в перерыве я поднимаюсь на сцену и брожу, как в лесу, среди пюпитров и инструментов. Музыканты добрые, весёлые, и даже кто меня не знает, сразу кричат: “А, Яшки Бородицкого дочка! Одно лицо!” Показывают всякие интересные штуки: “А знаешь, как эта большущая труба называется? Ту-у-ба! А ты на чём играть хочешь?”

Я, конечно, хочу на скрипке. Скрипач, по-моему, самая важная профессия на свете. И самая мужская! А я ведь иногда бываю мальчиком, и зовут меня Миша (как моего красивого двоюродного брата, он уже в школе учится), так что скрипка мне очень нужна.

Мне покупают хорошенькую золотистую “восьмушку”. Таких маленьких футляров не делают, и её пеленают в байку и кусок брезента. Я беру её на руки, пытаюсь укачивать. Мне только пошёл пятый год, но папе не терпится, и мы едем к тётке-педагогу. На такси, конечно. И я всю дорогу пою-напеваю себе под нос про то, как Миша скоро станет настоящим скрипачом.

Тут надо, наверное, честно признать, что ребёнком я была странненьким. Лет до пяти-шести всё время что-то вполголоса напевала-наборматывала, сама себе рассказывала, словно какой-нибудь акын. Себя при этом нередко поминая в третьем лице, как часть пейзажа. Может, это было некое предкнижье, пра-

книжке, потому что страсть к чтению всё это постепенно вытеснила.

На втором уроке, когда я уныло пытаюсь обхватить гриф левой рукой и сложить пальцы лесенкой, “как показывали в прошлый раз”, тётя-скрипачка говорит папе, что заниматься мне, пожалуй, рановато, лучше через годик... и, наверное, на фортепьяно. Слух, правда, имеется, но он пока “внутренний”, его надо развивать регулярным сольфеджированием, да и ручки пусть подрастут... Дома мама вздыхает с облегчением, фортепьяно — её территория, бабушка и дед тоже, кажется, не расстроены. Папа, конечно, сделал себе сурдинку, вырезал из школьного ластика, но и один скрипач в двухкомнатной квартире — нелёгкое испытание.

Папин уникальный слух (он слышал какие-то доли тона), чудом не убитый на войне — в артиллерии! — мне не достался. Не достался он и Таньке, моей сестре, хотя она куда способнее меня и стала отличной пианисткой. Не достался и внукам, ни одному из четверых. Достался — правнучке Майке, а уж как она им распорядится — решать, увы, не нам.

Меня готовят к музыкальной школе. Надо выучить песенку для вступительного экзамена. “Ма-а-ленькой ё-лочке хо-ло-дно зи-мой...” Первую фразу я пою уже практически чисто, но дальше идёт “Из лесу ёлочку взяли мы домой”, и на “из” я голосом никак не попадаю, да и на “ле” попадаю плохо. “И-из ле-е-су ё-лочку...” — бьётся мама. “Из ле-е!” — почти кричит бедный папа. Я вообще не очень понимаю, чего от меня хотят, слова же все пою правильно!

В школу меня берут. Хотя на вступительном экзамене в дошкольную группу я вдруг заявляю, что учи-